

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

УДК / UDK 330.354

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Поляков Л.В.¹

В рамках общеуниверситетского факультатива «GR в современной России: теория и практика» прошел мастер-класс профессора кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти Полякова Леонида Владимировича, посвященный влиянию политической культуры на экономику, в частности, в России. В ходе своего выступления профессор рассказал об основных подходах к пониманию и классификации политической культуры, а также проанализировал перспективы экономического роста через призму показателей России в различных рейтингах.

Ключевые слова:

Экономический рост, политическая культура, типы политической культуры, международные индексы.

¹ Поляков Леонид Владимирович – д. филос. н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: lpolyakov@hse.ru.

Добрый вечер! Мы сегодня продолжаем факультатив кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти. «GR в современной России: теория и практика». В этот раз, в отличие от прошлогоднего мастер-класса, я постарался поработать и на поле экономики, в том числе, учитывая, что сюжет с российской экономикой сейчас наиболее интересный, наиболее привлекательный. Неопределенностей очень много, ситуация нетривиальная, и можно порассуждать о том, что влияет на экономический рост. Хотя, может быть, это не совсем релевантно ситуации, когда мы имеем так называемый отрицательный рост. По отчету Росстата, в этом году он составил 3,8%, хотя возможен пересчет с учетом расходов Минобороны, а пересчет вменяемой аренды может дать снижение этой цифры до 3,3%. Но тем не менее, стоит подумать над сочетанием таких двух позиций, как экономический рост и российская политическая культура. Этим мы и займемся в ходе сегодняшнего мастер-класса.

При учете того, что сегодняшняя ситуация с российской экономикой, вероятно, зависит напрямую от некоторых факторов, которые никакого отношения к политической культуре и культуре в целом не имеют, может быть, сегодняшняя наша тема покажется несколько странной, но даже такими микропараметрами пренебрегать не стоит: бывает так, что при всех прочих равных какая-то одна переменная выходит на первый план и определяет возможности либо экономического упадка, либо экономического роста.

Гипотетически предположим, что рассмотрение фактора политической культуры в контексте российской экономики или в качестве некой переменной, которая определяет возможности роста этой экономики, не лишено оснований, тем более есть довольно

интересные примеры из других практик, из практик США, прежде всего, где подобное рассмотрение уже проделано. И этот интересный опыт может быть поучителен и для нас. Хотя далеко не всегда реалии американской экономики, тем более американской политической культуры, легко и однозначно переносятся на нашу почву. Однако я рассматриваю этот вариант только с точки зрения метода, а не с точки зрения содержательного переноса.

Весьма любопытно взглянуть на российскую экономику глазами тех, кто ее измеряет с помощью некоторых объективных инструментов, объективных факторов, некоторых переменных, которые дают в совокупности возможность составителям четырех отдельных индексов, о которых подробнее будет рассказано далее, выстраивать все экономические системы современного мира в определенном порядке и помещать Россию на ту или иную позицию. Мною были отобраны те индексы, в которых учитывается так называемая институциональная компонента. На мой взгляд, с точки зрения рассмотрения России с помощью этих рейтингов аспект, связанный с оценкой и участием институтов, - это достаточно существенная компонента.

Для начала обратите внимание, какие позиции мы занимали в рейтинге глобальной конкурентоспособности за 2015 год. В данном году мы занимали 44-51 место из 140, что, по сути, относительно неплохо. В рейтинге, составленном в соответствии с показателями глобального инновационного индекса, Россия находится приблизительно в том же районе: 48-е место из 141. В инновационном рейтинге Блумберга мы поднялись на 12 мест выше, но когда мы обратимся к этому индексу, то обнаружим, что Блумберг измеряет инновационную экономику, то есть просто инновации. И, наконец, в рей-

тинге по показателям индекса экономической свободы (Heritage Foundation Index of Economic Freedom) место у нас достаточно печальное: 143-е из 178.

Первая гипотеза состоит в том, что на подобные индексы надо обращать внимание, потому что они являются некими объективными инструментами, с помощью которых замеряется температура, состояние и, соответственно, потенциал роста каждой национальной экономики, в том числе российской. Эти детали говорят о том, что если по первым двум параметрам – конкурентоспособности и инновационности экономики – мы находимся в первых 50 странах (что задает возможности для роста), то, как мы видим по показателям World Governance Indicators, у нас довольно слабые индикаторы по уровню экономической свободы. Мы находимся в аутсайдерах. Из этого можно сделать первое предположение: тот тип политической культуры, который лежит в основе подобных институциональных установок, изначально достаточно амбивалентен. С одной стороны, в нем можно поискать нечто, что способствует экономическому росту, что продвигает экономику, с другой стороны, то, что ее как-то объективно тормозит. Второе же, более конкретное, предположение заключается в том, что вообще *culture matters*, политическая культура влияет.

Теперь подробнее рассмотрим Global Competitiveness Index (оценка по 140 странам). Он довольно объемный: конкурентоспособность в нем измеряется по очень многим позициям. Мною взят только показатель институциональной среды за 2015-2016 гг. В соответствии с ним, показатель России составляет 4,4 из максимума 6 возможных. При рассмотрении позиций России по институциональным параметрам можно увидеть, что в разделе «Этика и коррупция» мы за-

нимаем 89-е место (3 из 10), в разделе «Необоснованное расходование государственных средств» – 110-е место, «Общественное доверие политикам» – 70-е место, «Поборы и взятки» – 98-е место. В разделе «Неправомерное влияние, права собственности, защита» Россия занимает 103-ю позицию, в «Независимости судопроизводства» – 108-ю, в «Фаворитизме» – 90-ю позицию, наконец, в «Обременительности государственного регулирования» – 116-ю строчку.

Мы видим, что в этом рейтинге (при том, что в целом он достаточно оптимистичен) в позициях по качеству институтов мы вопиющие аутсайдеры, что должно настоятельно радовать. Таким образом, у нас имеется большой резерв для того, чтобы улучшать институты, что, в свою очередь, поможет экономическому росту.

Теперь перейдем к Global Innovation Index, суть которого можно представить в виде таблички, отображающей зависимость уровня благосостояния данной страны от качества институтов. Таким образом, в рамках данного индекса страны разделяются на 4 типа. Как уже было сказано ранее, в этом рейтинге довольно наглядно демонстрируется зависимость уровня благосостояния от качества институтов. У всех стран с высоким доходом мы наблюдаем положительные показатели: одновременно фиксируется позитивное и высокое качество политических институтов, так или иначе, создающих контекст, в котором ведется экономическая деятельность. Как только мы спускаемся ниже, то начинаем замечать корреляцию отрицательную: чем дальше, тем хуже. Отрицательные значения качества институтов обуславливают попадание в соответствующую категорию страны, то есть чем ниже уровень благосостояния, тем хуже качество институтов, – здесь прямо пропорциональная зависимость. Мы можем сказать: бедность сопут-

ствуует плохому качеству институтов и наоборот. Можем ли мы сказать, что это каузальная зависимость, что бедность – это результат плохого качества институтов? Пока еще вряд ли, но, во всяком случае, такую параллель мы можем провести. Тем самым я хочу подвести к мысли, что политическая культура значима. Несмотря на то, что она во всех индексах занимает какое-то маргинальное положение и в общем весе таких индексов не влияет радикально, но тем не менее ее значимость просматривается с разных сторон.

Теперь давайте посмотрим на позицию России по разным параметрам политических институтов. Напомню, что в конечном итоге наша страна находится на 48-м месте из 141 (39,32 из 100), однако по политической стабильности Россия занимает 108-е место, по политической среде – 105-е место, эффективности правительства – 88-е место, регуляторной среде – 96-е место, качеству регулятивного воздействия – 102-я позиция, rule of law – 112-я. Опять мы видим, что при общем оптимистическом взгляде на нашу ситуацию с точки зрения интегрального нашего 48-ого места, эти показатели, 4 из которых переваливают за 100, подсказывают, что что-то здесь неладно. Институциональная среда очень существенно снижает шансы на дальнейшее продвижение нашей экономики на более перспективные позиции в данном рейтинге.

Следующий наш рейтинг – World Governance Indicators. Под понятием «governance» составители этого рейтинга понимают не просто госуправление, традиции и институты, посредством которых осуществляется власть в стране, но также и процесс, посредством которого правительства отбираются, мониторятся и заменяются, способность правительства эффективно формулировать и проводить в жизнь здра-

вую политику и очень важный момент – уважение как граждан, так и государства к институтам, которые управляют экономическими и общественными взаимодействиями между ними. Еще очень важный момент – взаимное уважение граждан и государства. Довольно часто проблема недостаточного качества институтов понимается таким образом, что граждане хотят и могут, в то время как государство не может и не хочет. То есть институциональный дефект вменяется именно государственным институтам, органам государственной власти при предположении, что граждане сами ждут хороших институтов. Если мы рассуждаем о влиянии культуры вообще и политической культуры, в частности, то мы не будем забывать, что под воздействием культурных стереотипов находятся как люди во власти, так и люди вне власти. Хотя это, конечно, разного типа позиции.

В соответствии с данными за 2014 год, показатель гласности и подотчетности составил 20,20 из 100, насилие в обществе зафиксировано на уровне 18,45, эффективность правительства – 51,44, качество регуляторного воздействия – 36,54, rule of law – 26,44, контроль коррупции – 19,71. Мы видим, что институционально Россия находится среди глубоких аутсайдеров.

Теперь мы переходим к индексу экономической свободы: из 178 стран на 2015 год Россия занимала 143-е место.

Поразмышляем на тему соотношения политической культуры и институтов. Стоит привести интересную выдержку из статьи американских исследователей Джекмена и Миллера «Ренессанс политической культуры» 1996 года: «Устойчивые кластеры формируют слои субъективной мировоззренческой ориентации, которая сильно устойчивы и рассматриваются как фундаментальные генераторы экономического и полити-

ческого действия. Политическая культура образует такой как бы слой вечной мерзлоты, на которой существует некая почва институциональная, но не институты формируют политическую культуру, а в них выражается та подпочвенная вечная мерзлота неизменная. Соотношение субъективного и объективного в данном случае имеет характер причинно-следственной связи. Субъективные и мировоззренческие установки преобладают над институциональными нормами. Культура – тот неизменный фундамент, на котором только и держатся институты, не наоборот».

Есть такой американский исследователь Дениэл Элазар, который в 1960-х годах занялся изучением темы воздействия определенного типа политической культуры на экономическое поведение в разных штатах США. Когда он занялся исследованием политической культуры, то выделил три типа политической культуры: индивидуалистическую, моралистическую и традиционную. Давайте пройдемся по каждому типу культуры.

Индивидуалистическая культура – такая чисто либертарианская позиция: ограниченное малое правительство, и предпочтение отдается тому типу активности, который необходим для того, чтобы поддерживать операции свободного рынка. В рамках этой индивидуалистической культуры участие в процессе организации политики ограничено. Фонды поддержки и прочие организации выполняют чисто административную роль в исполнении программ экономического развития, они не являются менеджерами или участниками рынка. Эта культура предельно индивидуализирует поведение субъектов.

Следующий тип – моралистическая политическая культура. Эта культура более коллективистская. Если индивидуалистиче-

ская политическая культура использует государственную политику, чтобы помогать частному предпринимательству и рынку, то моралистическая культура защищает то или иное сообщество и общественное благосостояние. Значительно большая роль отводится гражданам для участия в политических процессах. Если индивидуалисты политику исключают в качестве экономического фактора и сводят ее только к реализации некоторых государственных программ экономического свойства, то здесь более политизированный субъект, который уже включается собственно в политический процесс, а экономические организации рассматриваются как нейтральные организаторы при проведении этой рациональной политики, которая усиливает экономическое развитие, но не за счет сообщества. Любые экономические программы рассматриваются с точки зрения общего благоденствия. Акцент делается на коммунальных характеристиках, на ценности того, что мы живем вместе. Это состояние коммунальности имеет более высокую ценность, чем преследование собственного интереса.

И, наконец, традиционалистская политическая культура, согласно Элазару, вообще не доверяет рынку или открытому гражданскому участию в проведении определенной политики. Налицо изначальное доверие к элитам, их профессионализму и их статусу. Естественно, элиты действуют в собственных интересах, стараются удержать статус-кво, не допустить смены своего положения. Социальный статус, семейные связи, инсайдерство, – это ключевые определители политических решений. Экономическим организациям поручается какое-то участие в экономическом процессе только тогда, когда сами элиты внутри себя не могут договориться.

Вот три типа политической культуры, которые Элазар полвека назад вычислил в Америке. Расстановка конкретно по штатам представлена в таблице 1. Аляска и Гавайи в его классификацию не попали, в связи с чем в таблице эти 2 штата не представлены.

Подобная конкретная раскладка показывает, что политическая культура как

некая детерминанта экономической активности и, соответственно, уровня экономического благосостояния вполне просматривается. Конечно, в плане современных методик монография Элазара уже устарела, но для того времени она была очень показательна.

Табл. 1. Распределение штатов США по типу политической культуры в соответствии с классификацией Д. Элазара.

Тип политической культуры	Штат		
Моралистическая	<ul style="list-style-type: none"> • Калифорния • Колорадо • Айдахо • Айова • Канзас • Мэн 	<ul style="list-style-type: none"> • Мичиган • Миннесота • Монтана • Ньюгемпшир • Сев. Дакота • Орегон 	<ul style="list-style-type: none"> • Юж. Дакота • Юта • Вермонт • Вашингтон • Висконсин
Индивидуалистическая	<ul style="list-style-type: none"> • Коннектикут • Делавер • Иллинойс • Индиана • Небраска 	<ul style="list-style-type: none"> • Невада • Мерилэнд • Массачуссетс • Миссури • Нью Джерси 	<ul style="list-style-type: none"> • Нью-Йорк • Огайо • Пенсильвания • Род Айленд • Вайоминг
Традиционалистская	<ul style="list-style-type: none"> • Алабама • Аризона • Арканзас • Флорида • Джорджия • Кентуки 	<ul style="list-style-type: none"> • Луизиана • Миссисипи • Нью Мексико • Сев. Каролина • Оклахома 	<ul style="list-style-type: none"> • Юж. Каролина • Теннесси • Техас • Вирджиния • Зап. Вирджиния

Что произошло за эти 35 лет? Поменялась методологическая установка? На мой взгляд, для послевоенной Америки в первое двадцатилетие действительно можно наблюдать политическую и культурную гомогенность на уровне штата.

Однако к началу 21 века произошла серьезная урбанистическая тихая революция: разнообразие спустилось на уровень городов и сообществ. Получилось так, что в одном штате теперь комбинируются разные типы политических культур. Риз и Розенфелд просто зафиксировали изменившуюся

парадигму, очень чутко отрефлектировали эту ситуацию и стали рассматривать, условно говоря, не с помощью большого бинокля, а под микроскопом. Они перешли от термина «политическая культура» к термину «civic culture». Причем, без нормативного смысла «гражданская» или «негражданская», как часто у нас переводят: civic culture – это нейтральное определение. Это просто культура данного сообщества, включающая в себя структуру конкретного принятия решений по экономическому развитию на локальном уровне, процесс, посредством которого решение принимается, интересы, кото-

рые включены в этот процесс, и даже стили принятия решений, которые просматриваются на локальной публичной арене. Это просто фиксация того, что данное гражданское сообщество обладает такими-то параметрами. Это структура, прежде всего, принятия экономических решений, что еще более привязывает нашу тему к тому, как влияет конкретная политическая культура с определенной конфигурацией на экономику страны, на экономику сообщества.

Они объединили Северную Америку в целом, выделив 4 типа этой самой *civic culture*. Первый тип, в рамках которого преобладает позиция мэра. Второй тип культуры подразумевает преобладание некоего внешнего воздействия в данном сообществе. Третий тип культуры включает всех участников. Четвертый тип политической культуры подразумевает доминирование элит. В каком-то смысле это можно соотнести с тем, что Элазар говорит о традиционалистской политической культуре, где явно тоже просматривается доминирование этого элитного компонента.

Таким образом, мы смещаем наш фокус на более низкий уровень и говорим, что в одном и том же штате можно насчитать как минимум 4 типа гражданской культуры, которая напрямую завязана на то, как осуществляется экономическое развитие, как принимаются решения, какие процедуры, какой стиль, какие интересы участвуют и т.д.

Дальше эту тенденцию продолжил Ричард Флорида: в 2005 году вышла его работа о креативном классе. Здесь фокус так же смещен на уровень городов и локальностей. Он возвращается опять к определению политической культуры, но берет понятие *local political culture*. У него получаются следующие типы:

1. classic social capital communities;
2. organizational age communities;
3. nerdistans;
4. creative centers.

Посмотрим, что значит каждый из этих типов. Классические сообщества так называемого социального капитала - это традиционные города, у которых очень высокая степень политической вовлеченности и вовлеченности в общественные дела, высокая степень влияния религии. С одной стороны, это сообщества, в которых социальный капитал крайне высок, потому что это единые сообщества, исповедующие одну религию, это политически активные граждане, которые не доверяют кому-то что-то делать и все время вовлечены и в политические, и в общественные дела, но при этом крайне гомогенные сообщества, не допускающие различия. Разнообразие минимально. Крайне низок показатель экономических инноваций. Они предпочитают традиционный способ политической активности. Сообщество живет, поддерживая само себя, предпочитая такой консервативный вариант.

Теперь *organizational age communities*. Типичный пример - Детройт, индустриальный центр еще с 1960-х годов, но сегодня - это город-банкрот, город-призрак. Поэтому колоссальные трудности для открытия новых рабочих мест в связи с отсутствием инноваций и высокотехнологической базы. Это традиционный индустриальный центр. Город Детройт является самой репрезентативной картинкой. Рабочий класс, небольшое разнообразие, традиционные способы ведения экономической деятельности, невозможность привлечения инвестиций, отсутствие новых рабочих мест. Определенный экономический уклад устаревает, и вместе с ним умирает данный город. Я перевожу *organizational age communities* как устаревая-

ющие благодаря своей организации сообщества. Они просто стареют.

Следующий тип - *nerdistans*. Что это такое? Это действительно продвинутые "ботаники". Эти ребята слишком умны, чтобы объединяться. С точки зрения человеческого капитала, это места продвинутых людей, но в то же время - классическая городская модель роста, которая поощряет тесноту и загрязнение окружающей среды. Это город, который развивается стихийно, потому что каждый не рассматривает место пребывания как место, которое заслуживает специального ухода. Люди живут в себе, им неинтересно, что вокруг. Политическая культура такого типа, очевидно, на выходе тоже дает определенную экономическую модель.

И, наконец, *creative centers* - высокоинновационные. Разнообразие колоссальное, потому что привлекаются мозги отовсюду. Креативные центры, которые отличаются индустрией нового типа, высокой степенью разнообразия, но при этом политическая и общественная вовлеченность крайне низка. Главное отличие от *nerdistans* заключается в том, что эта способность к инновациям распространяется на обустройство окружающей среды: город не превращается в хаотичное место, из которого скорей хочется убежать, чем там жить. Здесь, наоборот, происходит обустройство. Это не просто места, где скапливаются "ботаники" и производят какой-то инновационный продукт, но там еще приятно жить. Крайне интернациональная коммунальная среда. Это сообщество, композиция которого обусловлена подбором не по принципу традиций и гомогенных религий, а тем, что это какой-то креативный центр, состоящий из творческих личностей, но при этом избегающих превращения своего места жительства в *nerdistan*. Это показывает смещение фокуса от глобального измерения «штат» с одной

гомогенной культурой на уровень городов и *communities*, что в принципе оправданно. В разных штатах могут быть однотипные культуры. И понятно, что нет рабочего класса в традиционном смысле. Идет складывание новой политической культуры. Ричард Флорида как бы гипотетически предполагает, что именно эти центры формируют новую политическую культуру, в отличие от прежних типов.

Что еще из американского опыта может быть полезным? Есть работа 1974 года знаменитого социолога Эндрю Бэнфилда. Здесь классическая, традиционная для 1974 года разбивка, еще не включающая подробную разбивку среднего класса на высший, средний, низший. Просто другой подход, который одновременно предлагается в качестве некой методики для исследования особого типа политической культуры - классовой. Каждый класс имеет свою политическую культуру. Неважно, где ты живешь, в каком штате и в каком городе, важно, что мы берем такую горизонтальную развертку. Есть класс высший, есть средний, есть рабочий класс и есть низший класс. На эту тему, конечно, можно тоже попытаться поупражняться, я просто привожу вам это как пример того, что возможен и такой подход. Тем более, что разговор о классовой структуре российского постсоветского общества с точки зрения численности среднего класса тоже релевантен.

Про российскую политическую культуру есть много написанного в разных научных изданиях. В отличие от всех писавших, пишущих сейчас и тех, кто будет писать про российскую политическую культуру, заместитель главы Администрации Президента Владислав Сурков т писал о том, что он рассматривал ее как инструмент экономического управления. Приведу некоторые его цитаты из лекции в Российской

Академии Наук, которая позже была опубликована в книге «Тексты 97-07»: «...централизация, персонификация, идеализация признаются нами в качестве трех особенностей политической культуры»; «...будем использовать преимущества нашего национального характера и нашей политической культуры для создания конкурентоспособной экономики и жизнеспособной демократии». Напомню, что Сурков возглавлял тогда Совет по модернизации. Почему я выбрал именно его? Потому что это человек, за каждым движением которого стояла идея, что это может трансформироваться в определенную экономическую позицию. И последняя цитата: «нам не нужна модернизация, нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы (...) речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе». К сожалению, дальше у Владислава Юрьевича мною не было найдено приложение этих идей к тому, как это реально может повлиять на экономику и создать конкурентоспособную экономику, как три глобальных категории – централизация, персонификация и идеализация – будут работать в экономическом смысле.

В связи с этим я решил обратиться к тому, с чего начинал. Стоит спуститься от глобального общефедерального уровня на уровень регионов и обратиться к рейтингам регионального экономического развития, рейтингам, с помощью которых меряются вообще регионы, завязанным на оценку именно институциональной среды, в том числе, косвенно и политической культуры. Я выделил 4 рейтинга. Первый – рейтинг демократичности регионов, разработанный Николаем Петровым и Алексеем Титковым, во время работы в Центре Карнеги. Этот рейтинг был опубликован в 2014 году, но за прошлые годы. Он довольно сложный. Кроме того, я решил сосредоточиться на трех

рейтингах, которые выходят практически в ежемесячном режиме. Это рейтинг эффективности губернаторов (Фонд развития гражданского общества под руководством Константина Костина, бывшего сотрудника Администрации, возглавлявшего управление внутренней политики); рейтинг социально-политической устойчивости регионов (Фонд «Петербургская политика» Михаила Виноградова); рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации за 2015 год (АПЕК – Дмитрий Орлов, Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ – Ростислав Туровский). Я решил сосредоточиться на изучении этих рейтингов с точки зрения институциональной компоненты для того, чтобы посмотреть, как это все соотносится с позициями в этих трех рейтингах.

Первым мною был взят рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, состоящий из 4 параметров: масштаба, эффективности экономики, бюджетной сферы и социальной сферы. Я решил сосредоточиться на первой десятке (табл. 2). Это – лидеры по 2014 году, наиболее продвинутые региональные экономики.

Я решил пойти по простой процедуре – взять совокупный рейтинг, обозначив его как сумму мест регионов в перечисленных выше рейтингах, и получилось вот что. Первая десятка суммарно по этим трем рейтингам, учитывающим институционально-политическую среду, выглядит таким образом: Татарстан с Тюменью лидируют, набрав общую сумму мест очень маленькую, на третьем месте Белгородская область, потом Кемеровская область, ЯНАО, Башкортостан, Москва, Ленинградская, Воронежская и Ростовская области.

Что на основании этого сравнения можно сказать? Это композитный индекс,

который очень многое не учитывает. Но простая сумма мест все-таки показывает, что определенная взаимосвязь между качеством государственного управления, способностью

губернатора эффективно управлять и общей политической средой с точки зрения оценки социально-политической стабильности просматривается.

Табл. 2. Топ-10 регионов РФ в рейтингах.

Место региона в рейтинге	Рейтинги			
	Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ	Рейтинг эффективности управления	Рейтинг эффективности губернаторов	Рейтинг социально-политической устойчивости регионов
1	Москва	Татарстан	Ямало-Ненецкий автономный округ	Кемеровская область
2	Санкт-Петербург	Тюменская область	Татарстан	Белгородская
3	Ханты-Мансийский автономный округ	Белгородская область	Тюменская область	Тюменская
4	Московская область	Калужская область	Белгородская область	Чукотский автономный округ
5	Татарстан	Ямало-Ненецкий автономный округ	Калужская область	Татарстан
6	Ямало-Ненецкий автономный округ	Кемеровская область	Кемеровская область	Тамбовская область
7	Тюменская область	Москва	Чеченская Республика	Ленинградская область
8	Сахалинская область	Воронежская область	Владимирская область	Ямало-Ненецкий автономный округ
9	Самарская область	Чеченская Республика	Москва	Якутия
10	Башкортостан.	Московская область	Хабаровский край	Пензенская область

Это значит, что первоначальная гипотеза даже в отношении России (хотя повторы, при общих глобальных проблемах такие микропараметры, может быть, не обязательно учитывать) предприятие не совсем безнадежное. Если пытаться анализировать типы локальных или региональных политических культур и соотносить получаемый результат с местом в общем рейтинге экономического развития, то что-то это может подсказывать.

Мною был еще добавлен сюда последний рейтинг демократичности, который в 2015 году презентовала команда Петрова, Титкова и Кынева. Они замерили качество

политического дизайна, и вот что получилось:

1. Карелия
2. Московская область
3. Мурманская область
4. Свердловская область
5. Ленинградская область
6. Калининградская область
7. Новосибирская область.

Мною был найден один блог, в котором профессор Диц Фолльрат задается следующими вопросами: «если культура ведет к различным функциям полезности, то к различным оценкам того, что полезно, а что нет, что, в свою очередь, ведет к различным

измеряемым экономическим результатам, то вообще зачем мы озабочены тем, чтобы измерить экономический результат в конечном счете»? Это первый вопрос. И уточняющий вопрос: «если вы говорите, что культура важна для понимания и оценки политического результата, то вы мне просто говорите, что понимание того, что полезно, а что нет, варьирует в разных культурах. Например, в одной культуре поощряется репродуктивность, большое количество потомков рассматривается как безусловное благо. С этой точки зрения, экономический результат, то есть подушевой ВВП, может оказаться ниже той культуры, в рамках которой установка

на личные достижения при игнорировании этого общественного блага в большом количестве детей. Какой смысл рассматривать их и говорить, что, скажем, культура, в которой нет этой установки на большую семью, более богата по сравнению с той, в которой такая установка есть»? Регрессия, в которую включается культура в качестве объясняющей переменной, сама себя опровергает, несмотря на то, что эконометрически все нормально. Это измеримо. Есть статьи, в которых действительно вес политической культуры четко включается в качестве переменной и измеряется.

OPPORTUNITIES FOR ECONOMIC GROWTH IN THE FRAMEWORK OF RUSSIAN POLITICAL CULTURE

Polyakov Leonid - Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of the Theory and Practice of Business-Government Interaction of the National Research University – Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russia. E-mail: lpolyakov@hse.ru.

Within the university-wide elective «GR in modern Russia: theory and practice», a professor of the department of theory and practice of interaction between business and government Leonid V. Polyakov, teach a master-class dedicated to the influence of political culture on the economy in Russia, in particular. During the presentation, the professor spoke about the main approaches to understanding and classifying political culture and analyzed the prospects for economic growth in Russia in the framework of various ratings.

Key words:

Economic growth, political culture, types of political culture, international ratings.